

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА МИРА

УДК 81(091)

«В ЗАБАВАХ СВЕТА ВАМ СМЕШНЫ ТРЕВОГИ ДИКИЕ ВОЙНЫ...»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРА, КОНТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАЛЕРИК»¹

© Галина Борисовна БУЯНОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы,
e-mail: galina_buyanova@mail.ru

Идет речь об истории создания и жанровой специфике одного из лучших лиро-эпических произведений поэта. Военная судьба поручика Тенгинского полка М.Ю. Лермонтова привела его к кавказской реке Валерик, сделала участником кровопролитного сражения и автором произведения, главным в котором является антивоенный пафос. Лирический герой «Валерика» – это автогерой, в котором легко узнается сам поэт и персонажи других его произведений – умирающий офицер из стихотворения «Завещание», Максим Максимыч из романа «Герой нашего времени», опытный кавказский армеец в очерке «Кавказец». Идет речь о мастерстве М.Ю. Лермонтова в описании армейского быта, внимании художника к многочисленным выразительным деталям поэтического рассказа о Валерикском сражении, глубоком лиризме и психологизме повествования. К исследованию привлечены воспоминания современников, знавших М.Ю. Лермонтова на Кавказе, и эпистолярное наследие писателя.

Ключевые слова: биографический контекст; жанровая структура; любовное послание; философия войны; призыв к миру; взаимосвязь поэзии и прозы; воспоминания современников.

«Настоящий кавказец, – пишет М.Ю. Лермонтов в одноименном очерке «Кавказец», проследившая целую жизнь кавказского офицера, – человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. <...> Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты <...> промелькнуло пять-шесть лет: все одно и то же. Он приобретает опытность, становится холодно-храбр и смеется над новичками, которые подставляют себе лоб без нужды...» [1, с. 143-144]. В повести «Бэла», открывающей роман «Герой нашего времени», писатель тоже создает портрет кавказского офицера, штабс-капитана третьего линейного батальона Максима Максимыча, прожившего на Кавказе целую жизнь: «На нем был офицерский сюртук без

эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с кавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его походке и твердому виду» [1, с. 9]. На линию Максим Максимыч приехал еще подпоручиком еще при Ермолове и «при нем получил следующие два чина за дела против горцев». «Для него «жить» – значит «служить», – писал в литературной характеристике Максима Максимыча В.Г. Белинский. <...> Познакомьтесь с ним получше, – и вы увидите, какое теплое, благородное и даже нежное сердце бьется в груди этого человека» [2, с. 35]. Критик отмечал, что М.Ю. Лермонтов превосходно нарисовал характер, который наряду с Чацким, Фамусовым, Загорецким, Онегиным, Ленским можно считать нарицательным. Горючее сердце, теплота души, простая речь всегда помогут читателю отличить под «грубой наружностью» Максима Максимыча. «И дай Бог вам поболее встретить на пути нашей

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 13-34-01016 «Поэзия М.Ю. Лермонтова в контексте прозаического и эпистолярного наследия писателя».

жизни Максим Максимычей» [2, с. 35], – включает В.Г. Белинский.

Воинская судьба офицеров-кавказцев трудна, полна опасностей. Если не сложит он «свои косточки в земле басурманской», то «грудь его увешана крестами, а чины нейдут», – отмечает наблюдательный писатель в «Кавказце» [1, с. 144-145]. М.Ю. Лермонтов в очерке отличает «настоящих» кавказцев от «ненастоящих» по приметам, которые могли быть известны только «настоящему» кавказцу, каким был сам поэт и многие его сослуживцы. «Настоящим» кавказцем был Руфин Иванович Дорохов, офицер исключительной храбрости, служивший на Кавказе одновременно с М.Ю. Лермонтовым. Он не дослужился до высоких чинов и погиб в стычке с горцами в 1852 г. Славой оваяно имя отважного артиллериста Константина Христофоровича Мамацева, к которому «летучий» отряд казаков под командованием М.Ю. Лермонтова не раз приходил на выручку – особенно в памятном Мамацеву тяжелом бою 27 октября 1840 г. в Автуринских лесах. Он вспоминал о поэте: «Как сейчас вижу я его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенною через плечо черкесскою шашкой, как обыкновенно рисуют его на портретах» [3, с. 335]. Воспоминания о М.Ю. Лермонтове оставил «кавказец» Николай Иванович Лорер – декабрист, майор Вятского пехотного полка, разжалованный в рядовые, служивший в Тенгинском пехотном полку.

К числу приятелей поэта принадлежал Сергей Васильевич Трубецкой – сын генерал-адъютанта Александра I князя В.С. Трубецкого, бывший членом «Кружка шестнадцати». Он был ранен в грудь в сражении при реке Валерик 11 (23) июля 1840 г. В бою при Валерике погиб сражавшийся с М.Ю. Лермонтовым плечом к плечу «один из замечательнейших людей своего времени», «доброта которого была несравненна» [3, с. 395], Владимир Николаевич Лихарев – человек замечательной смелости. Для того чтобы понять, настоящий кавказец перед тобой или нет, «кахетинское» и «шелковые шаровары» не нужны – иронично улыбается М.Ю. Лермонтов в «Кавказце». Настоящим кавказцам поэт посвятил стихотворение «Валерик», имеющее интересную историю.

П.А. Висковатов, биограф поэта, указал, что «Валерик» неверно помечен 1841 г., стихотворение создано в 1840 г. Эта же мысль высказывалась биографами поэта в нескольких публикациях [4–6]. К 50-летию со дня гибели поэта было подготовлено издание сочинений М.Ю. Лермонтова (1891) под редакцией П.А. Висковатого, в котором закрепились эта дата, официально признанная в лермонтоведении сегодня.

Название стихотворения связано с рекой Валерик, или Вайрик, – правым притоком Сунжи, впадающей в Терек; река берет начало в горе Булойлам в Малой Чечне, затем течет по равнине. В 1840-х гг. по обоим берегам Валерика были разбросаны селения чеченцев, разоренные впоследствии частыми битвами. Валерик в переводе на русский язык – «речка смерти» (название ее в чеченском языке этимологизируется из первоначального Валеран хи – «смерти река», путем закономерных превращений – Валериг, Валерик), что было известно М.Ю. Лермонтову и его современникам от местных жителей. Ю.Ф. Самарин получил это стихотворение от князя И. Голицына, который привез рукопись с Кавказа [7, с. 78].

Содержание стихотворения связано с событиями, произошедшими в жизни М.Ю. Лермонтова в июле 1840 г. С.В. Иванов в монографии «Лермонтов» писал: «Положение на Кавказе складывалось в это время неблагоприятно для царских войск. Вождь горцев Шамиль сумел сплотить разрозненные горские народы, и его армия стала грозной силой <...> Для усмирения горцев был создан экспедиционный отряд под командованием генерала Галафеева, к которому и прикомандирован был поручик Лермонтов. Лермонтов выехал в крепость Грозную, в отряд Галафеева. <...> 6 июля 1840 г. на рассвете раздался «генерал-марш», затем команда «по возам», наконец сыграли сбор, и отряд Галафеева двинулся в поход на Малую Чечню. Как только отряд вступал в лес, начиналась перестрелка. Горцы обычно наседали на арьергард. Тогда отряд останавливался, выдвигали на передовую позицию орудия, давали несколько картечных залпов и двигались дальше. <...> Отряд Галафеева прошел через Чах-Кери, Урус-Мартон, деревню Гехи, подошел к реке Валерик. Здесь произошел крупнейший за всю кампанию бой с горцами.

Бой был жестокий, горцы отчаянно сопротивлялись» [8, с. 233].

В.А. Потто воспроизвел воспоминания К.Х. Мамацева об этом сражении: «Выйдя из леса и увидев огромный завал, Мамацев с своими орудиями быстро обогнул его с фланга и принялся засыпать гранатами. Возле него не было никакого прикрытия. Оглядевшись, он увидел, однако, Лермонтова, который, заметив опасное положение артиллерии, подоспел к нему со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперед, исчез за завалами» [3, с. 336].

М.Ю. Лермонтов находился все время в самом центре боя и проявил исключительную храбрость. Генерал Галафеев, представляя его к награде, писал: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы» [9, с. 393].

М.Ю. Лермонтов запечатлел кровопролитное сражение не только в стихотворении «Валерик», но и в акварелях – «Эпизод из сражения при Валерике 11 июля 1840 года» (рисунки поэта раскрасил художник Г.Г. Гагарин) и «При Валерике 12 июля (похороны убитых в сражении)». Поэт вспоминает о Валерикском бое в письме к другу А.А. Лопухину: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте <...>. Вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные...» [1, с. 456-457]. В этом же письме читаем: «Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удо-

вольствий, которые бы не показались приторными...» [1, с. 457].

Публицист и историк Ю.Ф. Самарин, встретившийся с М.Ю. Лермонтовым у Д.Г. Розена (однополчанина Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку) в Москве (встреча, состоялась, по-видимому, 30–31 января – в начале февраля 1841 г.), вспоминал о том, как поэт рассказывал ему о событиях при Валерике: «Мы долго разговаривали. Он показывал мне свои рисунки. Воспоминания Кавказа его оживили. Помню его поэтический рассказ о деле с горцами, где ранен Трубецкой... Голос его дрожал, он был готов прослезиться. <...> В этом разговоре он был виден весь» [10, с. 382].

Новаторский дух лермонтовского стихотворения, соединение в «Валерике» особенностей произведений нескольких жанров подчеркивалось неоднократно. Е.Н. Пульхритудова отмечала: «Валерик» часто рассматривают как поэтический рассказ о «картинах военной жизни», однако его содержание и жанровая структура сложнее, чем документальный стихотворный очерк. <...> Жанровая структура произведения обусловлена редким для того времени сочетанием батальной и любовной лирики. В «Валерике» ощутима связь с традициями романтического нравоописания. В то же время это трансформация жанра дружеского послания, это исповедь героя-повествователя перед любимой женщиной» [11, с. 78]. В обобщениях, сделанных в последнее десятилетие, читаем: «По форме своей «Валерик» – любовное послание, включающее и охватывающее, однако, стихотворную повесть или стихотворный рассказ. Первая и последняя части выдержаны в духе типичного любовного послания, в котором патетика и серьезность искреннего признания несколько снижены условностью жанра и ироничностью тона» [12, с.189]. На наш взгляд, справедливо мнение, что послание и драматическое батальное описание в поэтической форме образовали в «Валерике» «неделимый художественный синтез» [13, с. 76], который оказался способен передать идейную задачу поэта.

Обращение к женщине, с которого начинается и которым завершается стихотворение, позволяет читателю войти в откровенный, полный задушевной простоты разговор

очень близких друг другу людей, которых объединяет прошлое:

Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остывшим умом,
Разуверяюсь я во всем [14, с. 159].

Монолог лирического героя полон грустных сомнений: «Да и при том что пользы верить / Тому, чего уж больше нет?», разочарований: «Душою мы друг другу чужды, / Да вряд ли есть родство души...», понимания того, что время безжалостно, и надежды: «Безумно ждать любви заочной? / В наш век все чувства лишь на срок...» и совершенно обезоруживающего признания:

Но я вас помню – да и точно,
Я вас никак забыть не мог! [14, с. 166].

Долгая любовь, «страдания и тревога», «бесплодное раскаянье», «холодное размышление» приводят лирического героя к осознанию того, что чувство к женщине, с которой он мысленно беседует, – его «наказанье», его «крест», который он несет «без роптанья» и даже находит в себе силы иронично улыбнуться:

...Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За все я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их Пророка
Неволью сблизили... [14, с. 166-167].

Исследователи лирики М.Ю. Лермонтова неоднократно пытались указать имя адресата «Валерика». Чаще всего называлось имя Варвары Александровны Лопухиной [11, с. 78]. В работах, созданных в последнее десятилетие, называется ее же имя: «Ей (Вареньке Лопухиной. – Г. Б.) посвящены такие замечательные произведения, как «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», 1837), «Валерик» (1840), возможно, «Ребенку» (1840), косвенно – «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841)» [15, с. 13]. В то же время попытки персонифицировать женщину, к которой обращается лирический герой, приводят исследователей к противоположным выводам: «Интенсивная автобиогра-

фичность лермонтовских созданий подталкивает нас к мысли о реальном прототипе, не названном по имени, без примет внятной конкретизации одной из многочисленных возлюбленных поэта. Наталью Иванову, Екатерину Сушкову, Варвару Лопухину, Марию Щербатову, Александру Смирнову-Россет, т. е. всех тех, о ком мы знаем, кто тем или иным образом с женской стороны соприкасался с Лермонтовым в качестве предмета притяжения, из списка вероятных фигурантов «Валерика» следует исключить в силу несовпадения сообщаемых в тексте сведений с реальными фактами их контактов с поэтом» [16, с. 111]. Возможность точных соответствий между фактами биографии поэта и отражением их в лирике очень невелика, поскольку «истинная поэзия автобиографична лишь в отправной точке, дальше она свободна в своих обобщениях» [17, с. 52]. И все же именно В.А. Лопухина оставалась самой глубокой и сильной сердечной привязанностью поэта, о чем свидетельствуют неизменные упоминания о ней в письмах А.А. Лопухину и М.А. Лопухиной, воспоминания А.П. Шан-Гирея и Е.Г. Быховец [18, с. 37-38, 447]. Об этом свидетельствует и еще один факт. В 1838 г. М.Ю. Лермонтов подарил В.А. Лопухиной авторизованную копию «Демона» с посвящением, в котором называет ее «забывчивым, но незабвенным другом». Посвящение написано так, что настоящий смысл его поймут только два человека – он и она, но чувства, о которых говорит поэт, – усталость души, многолетняя тоска, грусть по чему-то несбывшемуся, и интонации, с которыми он об этом говорит, – указывают на то, что адресат «Валерика» и посвящения в редакции «Демона» 1838 г. – одно и то же лицо.

Основная часть стихотворения – повествование автора об армейском быте («Кругом белеются палатки; / Казачьи тощие лошадки / Стоят рядком, повеса нос; / У медных пушек спит прислуга...»), солдатский разговор о событиях кавказской войны («Как при Ермолове ходили / В Чечню, в Аварию, к горам; / Как там дрались, как мы их били, / Как доставалось и нам...»), авторские наблюдения («А вот кружком сидят другие. / Люблю я цвет их желтых лиц, / Подобный цвету наговиц, / Их шапки, рукава худые, / Их темный и лукавый взор / И их гортанный разговор»),

рассказ об «удалых сшибках», перестрелках и «жестоком бое» под Гихами («Из гор Ичкерии далекой / Уже в Чечню на братний зов / Толпы стекались удалцов...»).

Описание Валерикского сражения в стихотворении М.Ю. Лермонтова и в «Журнале военных действий» показывает, как точно, вплоть до отдельных деталей, воспроизводил М.Ю. Лермонтов картину боя. Еще В.Г. Белинский отмечал, что «Валерик» «отличается <...> стальной прозаичностью выражения, которая составляет отличительный характер поэзии М.Ю. Лермонтова, и которой причина заключалась в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство» [19, с. 345].

И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна... [14, с. 170].

По мнению В.А. Мануйлова, в «Валерике» М.Ю. Лермонтов закрепил и углубил художественные открытия «Бородина», «окончательно отказавшись от панорамного изображения боя с высоты командного пункта» [20, с. 148], что было характерно для од XVIII в. и даже «Полтавы» Пушкина. <...> Лермонтов показал бой с точки зрения одного из многих его участников, и эта позиция открыла новые художественные возможности для правдивого, реалистического и психологически мотивированного изображения войны» [20, с. 148]. Каждая деталь батальной части «Валерика»: красная от крови вода реки, «две ранки» на груди умирающего, капающие с солдатских, «покрытых пылью ресниц» слезы, последние слова – «Спасите, братцы...» – показывает трагизм происходящего, беспощадную правду войны. Драматизм лирической ситуации усилен простотой выражения, «намеренно неукрашенной, прозаизированной, «безыскусной» речью», – отмечает В.Э. Вацура [21, с. 617]. Война страшна своей обыденностью, когда смерть становится привычным делом. Рассказав о том, как «мало стоит на войне человеческая жизнь» [17, с. 60], М.Ю. Лермонтов задает главный, великий и вечный вопрос:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?» [14, с. 171].

Лермонтовский вопрос – больше, чем осуждение войны, это осуждение всякой вражды между людьми. ««Валерик» – первое во всемирной литературе явление того особенного русского взгляда на войну, который так бесконечно углубил Л.Н. Толстой. Из этого горчичного зерна выросло исполинское древо «Войны и мира»», – так оценил значение стихотворения поэта Д.С. Мережковский [22, с. 378]. Лермонтовское «Зачем?» наполняется «глубочайшим социально-философским и художественно-эстетическим содержанием» и подхватывается «выдающимися русскими писателями второй половины XIX в., прежде всего Ф. Достоевским и Л. Толстым», – продолжает мысль Мережковского Б.Т. Удодов [23, с. 196].

Трагическая проза войны подчеркивается поэзией кавказской природы – грядой «вечно гордых и спокойных гор», пылающим «лазурно-ярким сводом небес», «широкой тенью / Чинар иль виноградных лоз», сверкающим «главой остроконечной» Казбеком. Название реки – Валерик – вырастает в заключительной части произведения в красноречивую метафору, в скорбное историческое обобщение, – в предвидение долгой и изнурительной кавказской войны, о которой свидетельствует взгляд собеседника автора: «А много горцы потеряли? – / «Как знать? – зачем вы не считали!» – / «Да! будет, – кто-то тут сказал, – / Им в память этот день кровавый! / Чеченец посмотрел лукаво / И головою покачал...» [14, с. 171]. Д.Е. Максимов дал совершенно справедливую и точную оценку авторской позиции в «Валерике»: «Автор послания, каким он показан в «Валерике», <...> выступает как независимый и отнюдь не примиренный со злом мыслитель... <...> Идейную суть «Валерика» следует видеть в скорбном и в основе своей отрицательном отношении к войне со всеми ее античеловеческими проявлениями» [24, с. 226].

1. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1976. Т. 4.

2. Словарь литературных типов. Лермонтов. Спб., 1908.
 3. *Мамацев К.Х.* Из воспоминаний (В пересказе В.А. Потто) // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
 4. *Висковатый П.А.* Михаил Юрьевич Лермонтов в действующей армии генерала Галафеева во время экспедиции в Малую Чечню в 1840 году // Русская старина. 1884. № 1. С. 83-93.
 5. *Висковатый П.А.* Река смерти (Эпизод из кавказской жизни М.Ю. Лермонтова) // Исторический вестник. 1855. № 3. С. 1-11.
 6. *Бойко С.А.* К вопросу о датировке стихотворения М.Ю. Лермонтова «Валерик» // Тарханский вестник. Вып. 20. М.Ю. Лермонтов в русской культуре XIX–XXI веков: материалы научно-практической конференции 27–28 июля 2006 г. Тарханы, 2007. С. 126-132.
 7. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения: в 12 т. М., 1911. Т. 12.
 8. *Иванов С.В.* Лермонтов. М., 1938.
 9. *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003.
 10. *Самарин Ю.Ф.* Из дневника // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
 11. *Пульхритудова Е.М.* «Валерик» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1999.
 12. *Коровин В.И.* М.Ю. Лермонтов // История русской литературы XIX века: в 3 ч. Ч. 2. (1840–1860 годы). М., 2005.
 13. *Хазан В.И.* К проблеме жанрового своеобразия стихотворения М.Ю. Лермонтова «Валерик» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1986. № 2 (152).
 14. *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 2000. Т. 2. Стихотворения 1832–1841.
 15. *Кормилов С.И.* Лермонтов как феномен русской культуры // Михаил Лермонтов. Стихотворения. М., 2007.
 16. *Очман А.В.* «Валерик» М.Ю. Лермонтова: время и обстоятельства создания. Версия // Лермонтовские чтения-2008. СПб., 2009.
 17. *Наровчатов С.С.* Лирика Лермонтова. Заметки поэта. М., 1964.
 18. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
 19. *Белинский В.Г.* Утренняя заря, альманах на 1843 год // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М., 1979. Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 – ноябрь 1843.
 20. *Мануйлов В.А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Биография писателя. Л., 1976.
 21. *Вацуро В.Э.* Лермонтов Михаил Юрьевич // Вацуро В.Э. О Лермонтове. Работы разных лет. М., 2008.
 22. *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов. Pro et contra. СПб., 2002.
 23. *Удодов Б.Т.* М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.
 24. *Максимов Д.Е.* Поэзия Лермонтова. Л., 1959.
-
1. *Lermontov M.Yu.* Sbranie sochineniy: v 4 t. M., 1976. T. 4.
 2. Slovar' literaturnykh tipov. Lermontov. Spb., 1908.
 3. *Mamatsev K.Kh.* Iz vospominaniy (V pereskaze V.A. Potto) // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
 4. *Viskovatyy P.A.* Mikhail Yur'evich Lermontov v deystvuyushchey armii generala Galafeeva vo vremya ekspeditsii v Maluyu Chechnyu v 1840 godu // Russkaya starina. 1884. № 1. S. 83-93.
 5. *Viskovatyy P.A.* Reka smerti (Epizod iz kavkazskoy zhizni M.Yu. Lermontova) // Istoricheskiy vestnik. 1855. № 3. S. 1-11.
 6. *Boyko S.A.* K voprosu o datirovke stikhotvoreniya M.Yu. Lermontova "Valerik" // Tarkhanskiy vestnik. Vyp. 20. M.Yu. Lermontov v russkoy kul'ture XIX–XXI vekov: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii 27–28 iyulya 2006 g. Tarkhany, 2007. S. 126-132.
 7. *Samarin Yu.F.* Sochineniya: v 12 t. M., 1911. T. 12.
 8. *Ivanov S.V.* Lermontov. M., 1938.
 9. *Zakharov V.A.* Letopis' zhizni i tvorchestva M.Yu. Lermontova. M., 2003.
 10. *Samarin Yu.F.* Iz dnevnika // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
 11. *Pul'khritudova E.M.* "Valerik" // Lermontovskaya entsiklopediya. M., 1999.
 12. *Korovin V.I.* M.Yu. Lermontov // Istoriya russkoy literatury XIX veka: v 3 ch. Ch. 2. (1840–1860 gody). M., 2005.
 13. *Khazan V.I.* K probleme zhanrovogo svoeobraziya stikhotvoreniya M.Yu. Lermontova "Valerik" // Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki. M., 1986. № 2 (152).
 14. *Lermontov M.Yu.* Polnoe sbranie sochineniy: v 10 t. M., 2000. T. 2. Stikhotvoreniya 1832–1841.
 15. *Kormilov S.I.* Lermontov kak fenomen russkoy kul'tury // Mikhail Lermontov. Stikhotvoreniya. M., 2007.
 16. *Ochman A.V.* "Valerik" M.Yu. Lermontova: vremya i obstoyatel'stva sozdaniya. Versiya // Lermontovskie chteniya-2008. SPb., 2009.
 17. *Narovchatov S.S.* Lirika Lermontova. Zametki poeta. M., 1964.
 18. M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.

19. *Belinskiy V.G.* Utrennyaya zarya, al'manakh na 1843 god // *Belinskiy V.G. Sobranie sochineniy: v 9 t. M., 1979. T. 5. Stat'i, retsenzii i zametki, aprel' 1842 – noyabr' 1843.*
20. *Manuylov V.A.* Mikhail Yur'evich Lermontov. Biografiya pisatelya. L., 1976.
21. *Vatsuro V.E.* Lermontov Mikhail Yur'evich // *Vatsuro V.E. O Lermontove. Raboty raznykh let. M., 2008.*
22. *Merezhkovskiy D.S. M.Yu. Lermontov. Poet sverkhchelovechestva // M.Yu. Lermontov. Pro et kontra. SPb., 2002.*
23. *Udodov B.T. M.Yu. Lermontov. Khudozhestvennaya individual'nost' i tvorcheskie protsessy. Voronezh, 1973.*
24. *Maksimov D.E.* Poeziya Lermontova. L., 1959.

Поступила в редакцию 25.10.2014 г.

UDC 81(091)

“FOR YOU IN JOYS OF LIGHT THE WILD ANXIETIES OF WAR ARE FUNNY...”: HISTORY OF CREATION, GENRE FEATURES AND STRUCTURE, CONTEXT OF POEM OF M.Y. LERMONTOV “VALERIK”

Galina Borisovna BUYANOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, e-mail: galina_buyanova@mail.ru

The history of creating and genre peculiarity of one of the best lyrical-epic works of the poet is considered. The military destiny of lieutenant Tenginsky of M.Y. Lermontov troop brought him to the Caucasian river Valerik and made him a participant of bloody battle and the author of the work in which the main role plays by the antiwar pathos. The lyrical character of Valerik is an author-character in which we can easily know the poet himself and the characters of other works – the dying officer from the poem “Legacy”, Maksim Maksimych of the novel “Hero of our time”, experienced Caucasian soldier in the essay “Caucasian”. The mastership of M.Y. Lermontov in describing the military household, the attention of the artist to many expressive details of the poetic story about the Valerik battle, deep lyricism and psychologism of the narration are considered. The memories of the contemporaries who knew M.Y. Lermontov in Caucasus and the epistolary heritage of the writer were involved in the investigation.

Key words: biographic context; genre structure; love message; philosophy wars; call for peace; linking between poetry and prose; memories of contemporaries.